

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск—Казань)

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ 'СОЛЬ' И 'СОЛЕННЫЙ' В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ*

Abstract. On the History of the Concepts 'salt' and 'salty' in Finno-Ugric Languages

After reconsidering the existing Finno-Ugric etymologies for taste and smell terms (such as 'salty', 'sour', 'bitter', 'spoiled', 'rancid' etc.), two FU etyma for taste (and smell) of food are reconstructed: **kšćz(rz/-kz)* 'sour, salty, bitter' (in a positive sense), denoting, in its optimal sense, the sour-salty taste of fermented food, and in its maximum expression (mainly in derivatives) the taste of too sour or too salty (up to unpleasant) food (in modern Udmurt the meaning is 'salty'); and **kačke* 'spoiled, rancid, uneatable' with derivatives (suffix *-*mz*) meaning 'smoke, burning' or 'mould'. Possibly, the two reconstructed roots could represent cases of Proto-Finno-Ugric palatal—velar alternation similar to the Hungarian *döböz* 'small box' ~ *doboz* 'box'. From the historical point of view it is important that these reconstructions demonstrate the absence of the use of salt in the dietary and food-preservation tradition among the speakers of Proto-Finno-Ugric, which relates to hunting and fishing being the base of their economy and accounts for the later borrowings of words for salt from different sources.

Keywords: Finno-Ugric languages, Udmurt language, etymology, taste and smell terminology, historical dietology, 'salty', 'sour'.

Как показано в Напольских 2015, название соли в западных финно-угорских языках (**sōla*) является, по всей вероятности, протобалтским заимствованием, распространившимся в этих языках в первой половине — середине II тыс. до н. э. в связи с развитием скотоводства (и, возможно, начатков земледелия) в лесной зоне Восточной Европы. В большинстве диалектов обско-угорских языков соль называется дериватами того же корня (манс. С. *solwêl*, хант. Вах. *sälne* и т. д.) (DEWOS 1327—1328; Munkácsi, Kálmán 1986 : 557), заимствованными из пермского источника. В северносамодийских языках соль называется описательно 'белая' (нен. *ser*?, эн. *si*?, нган. *sər*) (Пырерка, Терещенко 1948 : 267; Katzschmann, Pusztay 1978 : 195; Kortt, Simčenko 1985 : 204), в саяно-самодийских — тюркским заимствованием (кам., мат. *tus* (Donner, Joki 1944 : 73; Helinski 1997 : 371)), что свидетельствует об относительно

* Статья написана в рамках работ по гранту РФФ 16-18-02007 «Историко-лингвистическое картографирование удмуртского языкового ареала».

позднем знакомстве носителей этих языков с солью или, по крайней мере, о замене более старых названий данными новообразованиями в связи с распространением привозной и покупной соли. Отдельную историю имеют названия соли в селькупском (*šāq) (Alatalo 2004 : 367) и в диалектах мансийского (Пел. *šäχ*, Тав. *čič* и т. д.) (Munkácsi, Kálmán 1986 : 583)), которые, вероятно, связаны между собой и тоже представляют заимствование, хотя и довольно старое — этой теме я надеюсь посвятить отдельную работу. Особняком стоит венг. *só*, также требующее специального рассмотрения.

Таким образом, в отличие, например, от индоевропейских языков в уральских, кажется, невозможно реконструировать древнее общее название соли. Это обстоятельство вполне понятно в свете предположения о начале употребления соли как особой субстанции в связи со становлением производящих форм хозяйства (Напольских 2015 : 168—174) — поскольку для прауральского и прафинно-угорского состояний нет оснований такие формы хозяйства реконструировать, нет ничего удивительного в том, что в этих праязыках название соли отсутствовало. Возникает вопрос: можно ли исключать использование соли или ее заменителей, например, для консервирования продуктов еще в культуре уральского и финно-угорского пранарода, предполагая, что переход к ее активному использованию как особого вещества позднее вытеснил старые названия? Здесь интерес представляют случаи, когда в отличие от большинства европейских языков обозначение соленого вкуса не образовано от корня 'соль' (как рус. *соль* > *соленый* или нем. *Salz* > *salzig*), а представляет собой особую лексему. Такие случаи в уральских языках встречаются в современных словарях: удм. *кузьит* имеет основным значением 'соленый' (УРС 227), например, *сылал* 'соль' (образования от этого корня, как *сылалтэм*, означают уже не 'соленый (на вкус)', а 'посоленный, засоленный'). Рассмотрение этимологии этого слова в финно-угорской перспективе позволяет делать некоторые предположения о давности использования соли и особенностях диетологии у носителей финно-угорского праязыка.

Итак, удм. *кузьит* 'соленый' (-*йт* — суффикс именного словообразования) — это основное значение в большинстве диалектов и словарей, однако Б. Мункачи (Munkácsi 1896 : 204, 216) дает и значение 'кислый' (не ясно, в каких диалектах), и хотя в других словарях это значение не отмечено (ссылка в UEW 640 на Wichmann 1987, видимо, ошибочна), оно неизбежно следует из елаб. *кузьит-турим* (Wichmann 1987 : 138), сар. *кузьит турим* (Munkácsi 1896 : 204) 'щавель кислый, *Rumex acetosa* L.' (*турим* 'трава'), поскольку здесь мыслимо только значение 'кислая трава'.

Название щавеля требует особого разбора. Б. Мункачи приводит также сар. *кузан* 'щавель' — очевидно, образование от того же корня **kuž*, что и *кузьит*. Основным же названием в удмуртском языке служит *кузкыллак*, объяснимое только как контаминация тат. *quzɣalaq* 'щавель' (< тюрк. **qoɣu qulɣaq* 'ухо ягненка' (Әхмәтъянов 2015 I 462)). При простом заимствовании из татарского необъяснимо удм. *з*, поэтому полностью отделять слово от *кузьит* и т. п. нельзя (Csúcs 1990 : 233), как и старого пермского названия щавеля, отраженного помимо удм. *кузьит-турим* и *кузан* и в коми *вевкуз* 'конский щавель, *Rumex confertus*

Willd.', где *veg* 'лошадь' (очевидно, под влиянием рус. *конский щавель*), а *kuź* вместе с приводимыми удмуртскими словами позволяет реконструировать праперм. **kuź* 'щавель' (КЭСК 65), которое могло указывать на вкус щавеля: кислый (*Rumex acetosa* L.) или кисло-горький (*Rumex confertus* Willd.). В удмуртском языке с помощью суффикса прилагательных *-jt* от этого корня образовано слово, которое со временем приобрело значение 'соленый'.

Значение праперм. **kuź* 'горький' отражено в производном от него удм. *kuźal* (*-al* — старый суффикс именного словообразования), которое означает не столько чисто горький вкус (удм. *kurjt*), сколько кисло-горький, и применяется чаще всего к прокисшему молоку — как просто кислому (*kuźanj* 'скиснуть, свернуться (о молоке)'), которое можно пить или делать из него творог (*kuźatem jel* 'сквашенное молоко, из которого делают творог', малм.-урж. *džj kuźam* 'творог', букв. 'молочное сквашенное'), так и прокисшему, испортившемуся и непригодному для питья (*kuźalmjnj* 'прогоркнуть, скиснуть, свернуться (о молоке)') (УРС 226—227; Wichmann 1987 : 138).

Здесь замечательно, во-первых, различие в языке «чистых» наименований оттенков вкуса как такового, безотносительно съедобности/несъедобности продукта (*kurjt* 'горький', *cjrs* 'кислый'), и более расплывчатых или широких по гамме характеристик вкуса еды, чаще всего вполне пригодных в пищу продуктов (*kuźjt* и *kuźal*). Во-вторых, важно различие словообразовательных моделей дериватов **kuź*. Если *kuźjt* 'соленый-кислый' образовано с помощью суффикса *-jt*, который можно рассматривать как суффикс имен с максимально выраженным наличием качества: *pil'em* 'облако, туча' ~ *pejmjt* (возможно, < **pil(e)mjt*) 'темный, тьма', *paś* 'дыра, открытый' ~ *paśkjt* 'широкий', *čoś* 'вместе; равный, одинаковый' ~ *čośkjt* 'гладкий, ровный; равнина' и т. д., то *kuźal* 'горький-кислый' — а суффикс *-al* для имен, имеющих более общее или даже переносное значение: *bam* 'щека' ~ *bamal* 'склон', **lun* 'день, полдень' > *nunal* 'день', *nož* 'ямка, углубление, низменность' ~ *nožal* 'низина', на его первоначальную функцию может указывать и осложненный вариант, суффикс неполноты качества *-ales* (*kuźjtales* 'солончатый', *gordales* 'красноватый' и т. д.). Вероятно, прав В. И. Лыткин, который восстанавливал древнейшее («допермское») значение праперм. **kuź* 'какое-то вкусовое качество: кислый, соленый, горький' (КЭСК 65): речь идет о довольно широкой гамме вкусовых ощущений от съедобных продуктов или напитков, в которой собственно соленый вкус является как бы полюсом, крайней степенью, отсюда и развитие значения *kuźjt*, формально (судя по суффиксу) 'максимально выраженный вкус **kuź*' = 'соленый'. Значение 'сильно выраженный вкус' у *kuźjt* косвенно подтверждается и наличием в удмуртском языке специального обозначения слабосоленых (солено-кислых) продуктов — *korel* (~ коми *ker* 'вкус, привкус' (КЭСК 141)): так говорят о безусловно приятном, вызывающем аппетит вкусе, например, маринованных грибов, в то время как определение *kuźjt* 'резкий вкус' > 'резкое, неприятное ощущение' может относиться и к пересоленным продуктам с резким вкусом. Возможно, от прапермского слова произведено и коми уд. *pešer kužgdnj* 'обжечь крапивой' (ССКЗД 283) — по семантической модели 'жгучий вкус' = 'жгучая крапива'.

Следует учитывать удм. *kužır: kužır-mažır* 'кислый, солоновато-кислый (прежде всего о кисломолочных продуктах)', *kužırani* = *kužani* 'скиснуть, свернуться (о молоке)' (УРС 226—227). Вероятно, это третий суффицированный вариант развития праперм. **kuž* с более редким суффиксом, если слово не является, подобно *kužkılak*, результатом контаминации с заимствованием из тюркских или монгольских языков, ср. хакас. *kužur* 'солончак' < монг. *qužir* 'солончак, выходы соды на поверхности земли' ~ тюрк. *qajır* 'сухая степь, каменная пустыня, песок, солончак' (VEWT 221—222, 296) < праалт. **kjažurV* 'песок, степь, земля' (EDAL 693—694) (семантически это неполная праалтайская реконструкция), хотя в силу географической и семантической удаленности этих параллелей, следует скорее предположить случайное сходство. Во всяком случае, удм. *kužır* также указывает на исконное значение 'кисло-соленый (о кисломолочных или сквашенных продуктах)' для праперм. **kuž*.

Однако удм. *kužır* трудно отделить от манс. С. *kvosərtax̄t-*, Пел. *kwaśərt-*, Кон. *kwāškərtax̄t-* 'иметь горький, терпкий, острый, резкий вкус или запах, щипать (глаза или язык, например, о дыме или о перце)' (Munkácsi, Kálmán 1986 : 740) ~ венг. *kesered* 'стать горьким, прогоркнуть', *keserű* 'горький, терпкий' < прауг. **kšćz-rz* 'горький' (UEW 861). Расширение **-rz* здесь следует включать в состав этимона, а вот постулируемая в UEW связь угорских слов с манс. ВЛозь. *kassəml-*, Кон. *kāsəml* '(за)коптить (не только мясо, но и, например, шкуры)', Пел. *kāššəml(-wonkə)* 'копильная (яма)' не очевидна ни фонетически, ни семантически; последние связаны скорее с манс. С. *kasm*, Пел. *kāšm* и т. д. 'желтый' (Munkácsi, Kálmán 1986 : 198—199) и к интересующим нас обозначениям вкуса/запаха прямого отношения не имеют. Равным образом недостаточно точна и предлагаемая в UEW семантическая реконструкция: вернее восстанавливать перм.-уг. **kšćz-rz* 'резкий (вкус/запах): острый, горький, терпкий', что в сопоставлении с удм. *kužır* с тем же, что в угорских языках, суффиксом и с учетом предложенной реконструкции семантики праперм. **kuž*, позволит реконструировать праф.-у. **kšćz-* 'какое-то вкусовое качество: кислый, соленый, горький (о сквашенных, кислых или, возможно, копченых продуктах)', при этом степень интенсивности вкуса и его приемлемости отражена в различных суффицированных новообразованиях (**kšćz-rz* 'сильный вкус **kšćz-*').

Если принять эту этимологию, надо пересмотреть и, наконец, признать фикцией старое сопоставление праперм. **kuž* с марГ *kaškə*, малм. *koškü*, марВ *kaške* 'тухлый, гнилой, заплесневевший; скисший (о пиве)' < праф.-п. **kačkz* 'горький, кислый; испортившийся (о еде, напитке)' (КЭСК 65; UEW 640): марийское слово имеет задний вокализм, а угорские — передний (пермские данные, видимо, иррелевантны). Для семантики марийского слова важно, что имеется в виду не просто 'плесень', а 'плесень на чем-то квашеном, соленом' (КЭСК 65) или на напитке (прежде всего на пиве, нем. *Kahm*), а вкус не просто кислый, а испортившегося, прокисшего и/или заплесневевшего пива или браги (Moisio, Saارينen 2008 : 229). По вокализму и семантике мар. *kaške* можно рассматривать как суффицированный вариант марГ *kačə*, урж. *kočo*, марВ *kočo* 'горький, прогорклый; (диал.) прокисший' (Moisio, Saa-

riinen 2008 : 251) и далее сопоставлять с фин. *katkera, katku* 'горький, прогорклый (например, о вкусе масла)' ~ кар. *kačkera* то же, люд., ливв. *kačter* то же ~ саамС *guocâ* (в современной орфографии *guohca*) 'гнилой, тухлый, испорченный', кильд. *kūdts^A* 'кислый (о рыбе, мясе)', тер. *kūdts^A* 'кислый, тухлый, гнилой (о рыбе, мясе)' ~ удм. *keš* 'невкусный, неприятный на вкус' ~ (?) хант. Дем. *хеџем*, Вах. *kič, kičim*, Каз. *χїџем* 'плесень' ~ манс. С. *χāssi, χassi*, Пел. *kaššə*, Кон. *khōsi, khōysi*, Тав. *khāškh/kēšək* 'плесень' < праф.-у. **kačke* (SKES 170—171, 202; UEW 113; Munkácsi, Kálmán 1986 : 88) — при этом сомнения в UEW по поводу прафинно-угорской этимологии вряд ли стоит принимать, как и реконструкцию семантики: здесь явно не 'горький', а 'испортившийся и неприятный на вкус: прогорклый, заплесневевший, прокисший'.

В прибалтийско-финских языках эта этимология имеет параллельный палатальный ряд дериватов: фин. *kitkerä, kitku* 'чад, угар' ~ кар. *kičkerä* то же ~ люд. *kičku* то же. Мнение «die Palatalität der Vokale im finn. *kitkerä* ist sekundär» (UEW 113), возможно, и верно, хотя остается вопрос о времени этого вторичного развития. Не является ли возникновение палатального ряда результатом контаминации праф.-у. **kačke* 'испортившийся и неприятный на вкус: прогорклый, заплесневевший, прокисший', и праф.-у. **kšćz-* 'вкусовое качество: кислый, соленый, горький (о сквашенных, кислых или, возможно, копченых продуктах)', точнее — результатом развития значения второго этимона в направлении *'кислый, соленый, горький в разной степени (о сквашенных, кислых или, возможно, копченых продуктах)' > 'прокисший, прогорклый' (максимально выраженный в неприятную сторону вкус **kšćz-*) > 'испорченный (переквашенный, перекопченный, заплесневевший)' > 'чад, угар' / 'плесень'?

С другой стороны, удм. *keš*, малм.-урж., елаб. *köš* 'безвкусный; невкусный, неприятный на вкус', *kešom̄inj* 'испортиться, сделаться неприятным на вкус' (Wichmann 1987 : 103; УРС 218) (< праф.-у. **kačke*) вряд можно рассматривать отдельно, как это обычно делают, от коми *kočes*, вс. *kəčes* (o < *o «под влиянием č», что допускает сравнение с финским и мордовским словами с задним вокализмом) (КЭСК 136), вым., уд. *kočis* 'гарь, горелый (запах, вкус)', *kečsašni*, вв. *koštašni* 'пригореть, приобрести вкус, запах гари' (ССКЗД 168), которое сопоставлялось с фин. *katku* ~ эрз. *kačamo*, мокш *kačam* 'дым' ~ сельк. Тым *qačx*, Чая *qačsi*, Кеть *qašqu* 'дым' (Alatalo 2004 : 274) < **kač* (Collinder 1955 : 22; КЭСК 136). Сельк. **qačqu* Юха Янхунен связывает с прасам. **jäckō* 'дым' или с прасам. **kāt³kz-* 'туман, дым' (Janhunen 1977 : 39—40), т. е. это слово к интересующему нас гнезду вряд ли относится фонетически (в первом случае) или семантически (во втором), поэтому в UEW справедливо реконструируется на основе финского, мордовского и коми слов только праф.-п. **kačkz* 'дым, гарь, вонь' (UEW 641—642). Конечно же, эта этимология должна быть включена в рассмотренное гнездо праф.-у. **kačke* 'испортившийся и неприятный на вкус: прогорклый, заплесневевший, прокисший' с развитием > 'горечь, гарь, вонь; плесень, дым', что косвенно подтверждается наличием в словах со значением 'плесень'/'дым' в мордовских, хантыйском и, возможно, карельском (*kačter*) одинакового расширения *-mz (древний суффикс-номинализатор?).

Таким образом, появляется возможность реконструировать два обозначения вкуса (и запаха?) продуктов в прафинно-угорском:

1) **kšćz(-rз/-kз)* 'кислый, соленый, горький' — скорее приятный вкус квашеных и, возможно, копченых и вяленых продуктов; с расширениями эта основа означала более интенсивный вкус — вплоть до неприемлемого, причем максимально выраженный вкус **kšćz-* приближался скорее именно к соленому (откуда развитие значения 'соленый' в удмуртском), а оптимальный соответствовал кисло-солонатовому вкусу квашенных без соли или с минимальным добавлением ее, или слегка подкопченных или подвяленных продуктов;

2) **kačke* 'испортившийся и неприятный на вкус: прогорклый, заплесневевший, прокисший' — вкус несъедобного продукта; с дериватами 'горечь, вонь' и (с суффиксом *-mз) 'дым, гарь; плесень'.

С лингвистической точки зрения обращает на себя внимание сходство этих этимонов, которые различаются по сути как палатальный и велярный варианты одного корня, при этом велярный вариант дает семантику максимальной (уже непереносимой) выраженности вкуса. Возможно, они могут пополнить на праязыковом уровне ряд примеров такого палатально-велярного звукового символизма, известных в основном в венгерском языке: *önt-* 'лить' (нейтральное) ~ *ont-* 'проливать (кровь, слезы)', *döböz* 'коробочка' ~ *doboz* 'коробка' и т. п. (Lotz 1939). Для подтверждения этой гипотезы, однако, необходимы дальнейшие изыскания и примеры за пределами венгерского языка.

С культурно-исторической точки зрения следует предполагать, что в культуре носителей финно-угорского праязыка отсутствовал термин для обозначения 'соленого' вкуса и соль не использовалась в приготовлении пищи и консервации продуктов. Данное обстоятельство согласуется с общепринятыми выводами об охотничье-рыболовческом характере культуры финно-угорского пранарода при отсутствии в ней знакомства с производящими формами хозяйства: использование соли становится актуальным для земледельцев, в диете которых возникает ее дефицит (см. подробнее в Напольских 2015). По всей видимости, главным способом консервации продуктов (мяса и рыбы прежде всего) в культуре финно-угорского пранарода было бессолевое квашение-ферментация (типа чукотского *копальхена* или эскимосского *игунака*), и именно вкус полученного в результате продукта описывает термин **kšćz(-rз/-kз)*: его действительно нельзя определить в рамках современной европейской кисло-солонно-горькой гаммы. Аналогично термин **kačke* мог обозначать неправильно приготовленный, негодный в пищу копальхен, возможный источник отравления. Позднее, с освоением производящих форм хозяйства и распространением соли (в том числе, в позднейшую эпоху — как покупного продукта и консерванта, под русским влиянием) этот способ заготовки пищи был у большинства финно-угорских народов забыт, а соответствующие термины развились в новых значениях.

В связи с предполагаемой связью между охотничье-рыболовческим укладом и бессолевым квашением показательно сравнение доли последнего в традиционной диете коми и удмуртов. В удмуртской, по преимуществу специализированной земледельческой культуре квашение если и сохраняется, то представляет собой модернизированный

ный вариант заготовки овощей с обязательным использованием соли, практически не сильно отличающийся от известного в русской традиции. В культуре коми-зырян, в которой земледелие играло меньшую роль, а охота и рыболовство имели не любительское, а реальное экономическое значение, составляя важную (если не основную) часть системы жизнеобеспечения, широко известны как способы заготовки рыбы путем бессолевой ферментации (т. н. печорский засол, коми *печорской засол, дука чери* букв. 'вонючая рыба' — заквашивание рыбы до желеобразного состояния с минимальным количеством соли), так и блюда, специально приготавливаемые путем сквашивания, самое известное из них *шома шьд* букв. 'суп с душиком' — перловая каша, заквашенная с помощью предварительно квашеного дудника, капусты или щавеля, приобретающая кислотный вкус, для непривыкшего человека неприятный. Такая каша служила обязательным ритуальным блюдом на поминках, при битье печи, на помочах при строительстве дома (благодарю О. И. Уляшева за консультацию). Важно при этом, что на территории проживания коми, в отличие от удмуртов, известны природные источники соли, активно разрабатывавшиеся по крайней мере с начала русской колонизации края, т. е. соль как минерал была доступна местному населению. Таким образом, сравнение культур двух близких народов, исторические судьбы которых разошлись не более тысячи лет назад, наглядно демонстрирует связь бессолевого квашения с охотничье-рыболовческим укладом и связь использования соли с развитым земледелием.

Address

Vladimir Napoľskich
Udmurt State University
Kazan Federal University
E-mail: vovia@udm.ru

Сокращения

УРС — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; EDAL — S. A. Starostin, A. V. D y b o, O. A. M u d r a k, An Etymological Dictionary of Altaic Languages 1–3, Leiden—Boston 2003 (Handbook of Oriental Studies. Section 8. Uralic & Central Asian Studies. Vol. 8); VEWT — M. Räsänen Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türk Sprachen, Helsinki 1969 (LSFU XVII).

Вах. — ваховский (восточный) диалект хантыйского языка, **вв.** — верхневычегодский диалект коми языка, **ВЛозь.** — верхнелозьвинский (северный) диалект мансийского языка, **вс.** — верхнесысольский диалект коми языка, **вым.** — вымский диалект коми языка, **Дем.** — демьянский (южный) диалект хантыйского языка, **елаб.** — елабужский диалект удмуртского языка (по Ю. Вихманну), **каз.** — казымский (северный) диалект хантыйского языка, **кам.** — камасинский, **кар.** — карельский (северный), **кильд.** — кильдинский диалект саамского языка, **кон.** — кондинский (восточный) диалект мансийского языка, **ливв.** — ливвиковский диалект карельского языка, **люд.** — людиковский диалект карельского языка, **малм.** — малмыжские говоры марийского языка, **малм.-урж.** — малмыжско-уржумский диалект удмуртского языка (по Ю. Вихманну), **марВ** — восточное наречие марийского языка, **марГ** — горное наречие марийского языка, **мат.** — матгорский, **монг.** — монгольский язык, **Низ.** — низямский (южный) диалект хантыйского языка, **Пел.** — пельмский (западный) диалект мансийского языка, **перм.-уг.** — пермско-угорский, **праалт.** — праалтайский, **праперм.** —

прапермский, **прасам.** — прасамодийский, **прауг.** — праугорский, **праф.-п.** — прафинно-пермский, **праф.-у.** — прафинно-угорский, **С.** — сосьвинско-сыгвинский (северный) диалект мансийского языка, **саамС** — северный (норвежский) саамский, **сар.** — сарапульский диалект удмуртского языка (по Б. Мункачи и Ю. Вихманну), **Тав.** — тавдинский (южный) диалект мансийского языка, тат. — татарский, **тер.** — терский диалект саамского языка, **тюрк.** — тюркские, **уд.** — удорский диалект коми языка, **урж.** — уржумские говоры марийского языка, **хакас.** — хакасский.

ЛИТЕРАТУРА

- Напольских В. В. 2015, К происхождению названий соли в финно-пермских языках. — LU LI, 161–176.
- Пырерка А. П., Терещенко Н. М. 1948, Ненецко-русский словарь, Москва.
- Әхмәтъянов Р. Г. 2015, Татар теленең этимологик сүзлеге I–II, Казан.
- Alatalo, J. 2004, Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo, Helsinki (LSFU XXX).
- Collinder, B. 1955, Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages, Stockholm.
- Csúcs, S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest (Bibliotheca Uralica 10).
- Donner, K., Joki, A. J. 1944, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU VIII).
- Helimski, E. 1997, Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy, Szeged (Studia Uralo-Altica 41).
- Janhunen, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 17).
- Katzschmann, M., Pusztay, J. 1978, Jenissej-samojedisches (enzisches) Wörterverzeichnis, Hamburg (Fenno-Ugrica 5).
- Kortt, I. R., Simčenko, Ju. B. 1985, Wörterverzeichnis der nganasanischen Sprache. Teil 1: Nganasan — deutsch — russisches Glossar, Berlin (Systemata Mundi. Materialien. Band 1).
- Lotz, J. 1939, Das ungarische Sprachsystem, Stockholm.
- Moisio, A., Saarinен, S. 2008, Tscheremissisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU XXXII).
- Munkácsi, B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
- Munkácsi, B., Kálmán B. 1986, Wogulisches Wörterbuch, Budapest.
- Wichmann, Y. 1987, Wotjakischer Wortschatz, Helsinki (LSFU XXI).